

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Исповедь Незнакомки. Часть 1: Золушка (волшебная сказка для взрослых)

«У лукоморья дуб зелёный; Златая цепь на дубе том: И днём и ночью кот учёный Всё ходит по цепи кругом; Идёт направо — песнь заводит, Налево — сказку говорит...» — 1- Середина сентября... Там, откуда я приехала, уже началась осень. Тротуары засыпает желто-багряной листвой, а здесь может быть и не лето, но бархатный сезон — точно! Народу отдыхает мало, оно и понятно не фешенебельный курорт, а простой дом отдыха. Да сентябрь... Но вот море, прямо загляденье. Вода теплая, солнышко жарит, да так что я в первый день «обгорела» немножко. Опять же столпотворения нет. А мне это и на руку. Приехала я одна. Если выразиться, другими словами, не просто одна, а с думами. По совету психолога, последняя попытка примирения. Мой остался дома «охранять очаг», а я рванула сюда. Съела нашу любовь посредственность бытия, утонула она в проблемах, да так что и видеть друг друга не хочется... Опостылевшая работа; постоянные гонки за призрачным: «А что мы хуже других?»; нищенская зарплата; какие-то ненужные покупки: «Новая машина, большой телевизор... только вот зачем они мне? И старый Хундайчик неплохо бегал, а телевизор, ну больше на несколько дюймов... «... Детей нет, всё откладывали... Это надо, то купим, а потом и заживём... Только мнится мне: «Были бы дети, не стояла эта проблема!». Да что сейчас кулаками-то махать?!

— 2- Народу в столовой по пальцам пересчитать можно. И его не прибавляется. Вот я здесь третий день, а народу уменьшилось и ни одного нового лица не появилось. Намедни подкатывал ко мне какой-то тип: «Вы женщина привлекательная, я сам, вообще, чертовски неотразим... Так, почему бы нам не дать друг другу «тепла» и нежности?». А сам глазенками дырки в купальнике «сверлит» аж слюной исходит! Дай волю так прямо на пляже разденет, и ноги вверх задерет, благо народу мало за любым кустиком «притаиться» можно. Послала я его, так ведь не понимает! К ужину вышел прямо павлин! И в мою сторону зыркает, всё прикидывает, как подобраться... Хотя с другой стороны его понять можно. Одиноких женщин всего три. И я самая молодая. Мне всего-то двадцать восемь стукнуло. Ну а кавалеров по более, человек шесть. И каждому хочется. Чувствую, что придется вместо отдыха глухую оборону занимать. Этого отошью, другие подтянутся...

— Накаркала! — подумала про себя, видя, как из-за стола поднялся мужчина, и двинулся напрямиком ко мне. Странно, но я его не знала. Видимо, приехал только сегодня. Я с интересом смотрела, как он шёл. Лет около сорока, и уверенности у него не отнимешь. Идёт целеустремлённо — шагом, но такое впечатление что подкрадывается. Движения четкие, плавные. Одет с иголки, но явно всё новое не обношенное. Видно как ему неудобно в этой одежде, но всё равно она сидит как влитая. И лицо сразу выделяется. Я вот уже три дня тут, дома загорала, а всё равно видно загар не тот. А у него загар прямо темный, лицо, обветренное, как если бы он провёл всё лето на свежем воздухе. Такое у заядлых огородников бывает, только вот не огородник он. Точно! Вижу и «ухажер» мой «отшитый» зашевелился, конкурента признал и ломанулся наперерез.

— Только рыцарских дуэлей тебе Катя не хватало! — подумала я про себя, невольно сравнивая мужчин. Оба рослые, здоровые. Каждый по-своему виден. Но вот первый вызывает уважение, а второй брезгливость. Только дуэль не получилась. Первый услышал топот шагов, оглянулся, и как мне показалось просто посмотрел, а потом повернулся и пошёл дальше, ко мне.

«Кавалер» же, как на стенку налетел. Остановился, покраснел и сделал вид, что спешит в помещение под знакомыми буквами М/Ж, расположенное в коридоре...

— Ну и ну?! — подумалось мне, — и что он там увидел?

— 3- Пока я рассуждала на эту тему, первый уже остановился около моего столика. Не поднимая глаз, произнёс: — Вячеслав. Вы не против? — и, не дожидаясь ответа, отодвинул стул и сел. — Наглость не порок, а большое... — домыслить я не успела... Вячеслав поднял взгляд, и я обомлела. Небесная голубизна очей в глубине отливала сталью, а смотрел он так, что у меня сердце просто ухнуло и забухало молотом. Взгляд охотника, когда он смотрит через прицел оружия, не сомневаясь, что дичь уже его трофеей. Он это знал, и я всё понимала. У меня не было выхода, были только варианты оттянуть неизбежное. Хотя был один способ — встать, бежать в номер, собраться и уехать! Прямо сейчас же! А остальное... Ну, потрепыхаться и сдаться на милость победителю, хотя взгляд и допускал почетный вариант «пленения со штандартами и оружием»!

— Я буду ухаживать, а ты не будь занудой! — говорили с обаятельной улыбкой глаза. — Почему? — Ты моя! — Я знаю... — но женское начало повторило дурацкий вопрос, — почему я?! — А почему встаёт солнце, зачем падает тьма? — ответил его взгляд. — Но я? — и моргнула. Волшебство беззвучного разговора пропало. В глазах осталась только темнота, как бывает ночью... Сверкнет молния и видно всё-всё, а потом становится ещё темнее.

— Как зовут столь милую даму? — спросил Вячеслав. — Катя... Катерина! — поправилась я. — Я видел объявление, сегодня вечером танцы... — Они каждый вечер, — поправила я его машинально. А в голове вертелось: — Да что же это такое? Я не могу даже думать ни о чём другом, кроме него... Какого черта? — Пойдешь! — он не спрашивал, утверждал. — ... — мотнула головой, соглашаясь, да если он сейчас позовет меня к себе, я беспрекословно пойду, улыбаясь как дура! — Здесь весело? — Не знаю... — ответила я на автомате, собирая силы, чтобы противостоять его обаянию.

Оно просто физически окутывало меня, заставляя бешено биться сердце и дышать «через раз». — Что со мной? Почему? — вертелись на языке вопросы, лицо перекошено дурной улыбкой как в детском стишке: «И улыбка до ушей, хоть завязочки пришей... « озаряло лицо. А грудь, её просто распирает от радости и желания... Только сейчас я обратила внимание на его голос. Мягко рокочущий, уверенный. От его тембра у меня скрутило живот в тугую спираль. Я с ужасом почувствовала, как набухают соски, бесстыдно выпирая сквозь тонкий лифчик, а в трусиках стало не просто тепло — жарко! Кровь прилилась к лицу, уши заалели. Не в силах выдержать нахлынувшее, я уставилась в тарелку. — Дум-бум, — звенело в ушах. Откуда-то издали донеслось: — Ты готова Катюша? — К чему? — продолжая глупо улыбаться, спросила я, — тук-тук стучало сердце, — не в силах выдерживать всё это. — Прогуляться и показать мне местные достопримечательности... — его глаза лучились улыбкой и ожиданием? — ... — опять закивала я соглашаясь. — Тогда пошли, — он встал, подошёл и, отодвинув стул, помог мне подняться.

Мне казалось, что весь зал смотрит только на меня... Я даже ощущала на себе восторженные и похабные взгляды... Куда же от таких деться?! Но вот меня они почему-то не трогали. Мне было всё равно, кто и что про меня думает. Я встала и, ухватила Вячеслава за руку как школьница... И мы пошли... У меня было состояние той тревоги и гордости за свою смелость, как тогда, когда я первый раз разделась перед своим парнем и легла с ним в постель!

— 4- Мы вышли на улицу. Жара уже спала. Легкий бриз с моря остудил лицо и дал

возможность продышаться. Мы как раз проходили мимо клумбы с цветами, когда Слава остановился и показательно — воровато оглянулся по сторонам. Что-то блеснуло, и у меня в руках оказался аленький цветочек, неизвестной породы. И тут же с весёлым смехом он подхватил меня под руку и шепнул: — Бежим, а то поймают! — Ах-х... — вскричала я, увлечённая в бег его сильной рукой. Мы бежали. Весело и беззаботно, как шаловливые дети, провернувшие «весёлую» шутку с этими занудами взрослыми, которую они всё равно не смогут оценить... Чуть запыхавшись, выскочили прямо на берег. Медленные волны лениво накатывали на берег и звонкими ручейками скатывались с него, чтобы через несколько секунд проделать это снова. Завораживающее зрелище! Слава резко остановился: — Море... — он повернулся ко мне лицом и восторженно повторил, — Катя, гляди ведь это море! — и весело как ребенок рассмеялся. — Да, — подтвердила я, — это Черное море, теплое и ласковое. — Как давно я об этом мечтал! — он сбросил мокасины и, стащив носки, шагнул в воду. Шаловливая волна тут же захлестнула брюки, но он только зажмурился от удовольствия, увлеченно шлёпая по песочному дну. Зашёл глубже почти до колена и, зачерпнув воду, плеснул себе в лицо. — И правда, солёное, — как-то изумленно произнёс он, оглянувшись, — я знал, но не верилось... Сейчас я видела не того уверенного в себе мужчину, а шаловливого мальчишку, обнаружившего вдруг, что-то очень важное для себя и дошедшего до этого без посторонней помощи. — Искупаемся? — он вопросительно глянул мне в лицо.

Заражённая его энтузиазмом, я утвердительно кивнула, но вспомнив, что под тоненьким платьем на мне одеты только полупрозрачные стринги и кружевной бюстгальтер с сожалением произнесла: — Пошли, сходим и переоденемся, да и полотенце не мешает взять... Он как-то жалобно посмотрел на меня, а потом бросил жадный взгляд на море: — Тогда прогуляемся... Не хочу уходить, даже ненадолго... — и снова плеснул водой в лицо, — а куда пойдём? — Не знаю, — призналась я, — никуда ещё не ходила... Вдруг непонятно почему, я бросилась вдоль берега, крича на бегу: — Догоняй!

Он тут же последовал за мной. — Ах ты, Катюша — негодница, сбежать вздумала! — весело пророкотал прежним голосом. Я бежала небыстро, да и он не торопился, так что когда Слава поймал меня, мы уже скрылись за мыском кустарника, подступавшего к самому берегу. Его сильные руки подхватили меня и подняли в воздух: — Ой, — взвизгнула я от неожиданности. А он, нежно прижимая меня к себе совершенно без усилий, закружился в каком-то странном танце. Я визжала как девчонка, а он кричал: — Море, песок! — кружил и кружил меня, пока мы не упали на мягкий, но ещё тёплый пляж.

Упав на спину он, всё ещё удерживая меня, перекатился и оказался вдруг сверху. Его насмешливые голубые с зеленью, наверное, от близости моря глаза оказались рядом. И я утонула в них раз и навсегда. Мои губы открылись, ища его уста... А он, вдруг просто чмокнув меня, вскочил как «чёртик в табакерке». Потом рывком поднял меня, а я закричала, сердясь на него: — Ты что?! — Догони, скажу... — и бросился дальше вдоль берега.

Может быть, он и бежал вполсилы, но я-то разогналась всерьёз. И когда он резко вильнул в сторону и остановился, то я промчалась мимо. Быстрый рывок и вот я опять уже бьюсь в его объятиях: — Отпусти, ты тупой ублюдок! — в сердцах ругаюсь, пытаюсь вырваться. — Ладно, — вдруг говорит он с улыбкой, отпускает меня, чтобы тут же уже по-настоящему впиться в губы... Крепко прижимая меня к своему телу. Я ещё по инерции пытаюсь вырваться, но он меня не отпускает, и только когда я затихаю, отдавшись, горячему поцелую ослабляет хватку... — Да что же я делаю? — крутится где-то на грани сознания и пропадает.

А его язык уже завладел моим ртом: лаская небо, губы, чуть ли не дотягиваясь до горла. Всё кружится перед моими глазами: — Пропадаю я, пропадаю! — вспоминаются слова песни, а в голове и всё вокруг кружится, кружится, как у пьяной. Его горячие, сильные руки уже гладят мою спину, мягко проскальзывают по ягодицам и бёдрам. Мне уже не нужен никакой купальник, и даже номер. Я как распоследняя распутная женщина готова отдаться блуду прямо здесь в свете заходящего солнца на теплом песке заброшенного пляжа. Я жду, когда он начнёт раздевать меня и ласкать! Поглаживая и целуя моё истрадавшееся и жаждущее ласки тело. А он! Этот сильный мужчина продолжает мучить меня. Его мягкие, но властные губы исследуют, целуя моё лицо, носик, щечки, переключаются на шею. А потом просто прижимает к себе сильно и страстно! Я слышу его сердце, бьющееся сильно и ровно и своё стучащее и ухающее в ожидание предстоящего. Мой живот уже выкручивают сладостные спазмы, а низ просто горит в ожидании.

— Ну! — шепчу я срывающимся голосом, — давай! — Ты точно этого хочешь?! — вдруг слышу я сквозь заполнившие меня удары сердца. — Да...

— 5- Он поднимает меня на руки, куда-то несёт. Аккуратно укладывает на песок и начинает расстёгивать платье. Три пуговицы на груди. Его губы опять ласкают меня, следуя за руками. Вот одна рука проскальзывает под одежду и ложится на грудь, скрытую кружевами. Она чуть дрожит, а потом сжимается... И вся моя как я считала приличная по размеру грудь увы тонет в этом новой, но такой приятной чашечке «лифчика». А я кричу, как мне кажется, но сил нет... Изнутри прорывается только стон: — Да! Ещё! Сильнее...

Слыша мой невнятный лепет, и действуя вопреки просьбе, он отпускает грудь, взамен даря мне поцелуй, от которого я просто схожу с ума... А его рука как по волшебству, оказывается, на бедре, медленно скользя по нему вверх. И когда она касается промежности, я с ужасом понимаю насколько там влажно. Если быть точной, мокро! Я прямо истекаю соками. Стоны мои тонут в поцелуе, а он медленно приподнимает край трусиков и его пальцы начинают священнодействовать там внизу. Вот необъятная ладонь сдавливает лобок, прижимаясь к нему, причем нежный узелочек, бесстыдно вылезший наружу, попадает «в зону влияния» придавленный пальцами. Физически чувствую, как зашевелились, вставая дыбом редкие волосики, придавленные его рукой.

Я кричу, на этот раз по-настоящему. Сил стерпеть такое — нет. Никакие губ не могут заглушить ор, издаваемый мной. Приглушить да, но не остановить! Он тут же шевелит пальцами и внутри меня взрывается бомба! Живот, руки, ноги всё живёт отдельно. Мысль только одна: — Господи! Да как же мне хорошо! — тут же поглощенная новыми более сильными спазмами. Меня крутит, выворачивает наизнанку. Жар разбегается снизу в стороны, заставляя меня ещё сильнее ерзать по мелкому песку. Ноги сдвигаются, зажимая бедрами то, что принесло это неизгладимое, незабываемое блаженство. Да за одно это можно умереть... — А он ведь ещё не начинал?! — мелькает у меня, и я опять кричу, представляя, что будет, когда он, овладеет мной. Я живу только ощущениями. То, что бьётся сейчас во мне, преобладает над всеми чувствами. Такого у меня ещё никогда не было. Я вдруг ясно понимаю: — Та жизнь, за которую я цеплялась, там дома закончена! Раз и навсегда. Что будет впереди — не знаю, да и не хочу знать.

Я поняла одну истину: «Важно здесь и сейчас и то хорошее что было, а остальное... То, что впереди создаём мы сами, и потом расхлёбываем...». Мне вдруг стало жаль себя, так поздно осознавшую это. Егора, моего уже бывшего мужа, возможно, так никогда и не познающего

это, и я заплакала. Слезы катились из моих глаз. Я не осознанно прижималась к тому островку безопасности, какой познала впервые, к Славе... А он обнимал меня и успокаивал, ласково говоря что-то поглаживая волосы. Уже успокаиваясь, я стала понимать, что он говорит: — Всё закончилось, милая! Я нашёл тебя, и мы никогда не расстанемся. Ты моя и только моя, и я не хочу, не желаю знать, кем ты была в той прошлой жизни. — Почему? — нашла силы прошептать я.

— А зачем встаёт солнце, почему падает тьма? — вопросом на вопрос ответил он мне, — мы две половинки одного целого. Порознь мы никто, а вместе мы вся вселенная! Любая сила, любое начинание подвластно нам... И ты родишь мне сына... Нет много сыновей! — И дочку, я хочу дочку! — И дочку! Обязательно! У нас будет дочка! — шептал он между поцелуями. — Но ведь ты даже не знаешь, кто я?! А я не понимаю кто ты! Большой, сильный! Медведь, а не человек... — Ну, меня так и называют дома... Иногда! — слышалась нотка гордости в его словах. — А где твой дом? Расскажи... Я хочу знать...

Он замер, как бы набирая воздуха, а я сквозь залитые слезами глаза смотрела на него. — Мой дом... Он там! — это прозвучало так гордо, — в Сибири, среди бескрайних лесов, прозрачных и быстрых рек. Я добрый хозяин того места... Егерь, ну лесник. А дом он давно ждёт именно тебя! Я его построил сам! Валил вековые сосны... Собирал мох... Делал тёс для крыши... Я полагал, что найду тебя, только не знал когда... И вот нашёл! Вдруг его тональность изменилась: — Ведь ты поедешь со мной? Ко мне, — он перевёл дыхание и поправился, — к нам домой?!

Что я могла ответить? Вариантов много, и один из них — я заплакала... Заплакала от радости, щенячьего чувства восторга и обретенной защищенности от этого сумасшедшего мира, непоколебимой уверенности в будущем. Нет, я не была восторженной девчонкой, представляющей всё в розовом цвете. Я знала, как будет трудно, но понимала — вместе с ним, этим русским медведем, с моим Вячеславом! Мы преодолеем всё. — Да, — тихо сказала я. Он улыбнулся, и я опять увидела того мальчишку около моря. — Громче, — попросил он. — Да, милый, — сказала я громче, — я поеду с тобой, я нарожаю тебе детей и мы будем жить вместе там... Среди полей, лесов и рек... Его поцелуй прервал моё красноречие, и мы занялись первой совместной задачей — зачатием ребенка. Именно этим, а не простым и пустым по своей сути сексом...

— 6 — Он бережно раздел меня, а я помогла раздеться ему. И мы любили друг друга. Прямо там на берегу... И мягкий обкатанный морем песок был нам периной. Он входил в меня, и мы были единым целым. Его мощные движения возносили нас на вершину мира, потом мы падали вниз... и начинали всё сначала! И когда он излился в меня, я каким-то необъяснимым образом знала: «Всё получилось! У нас будет маленький. Не суть важно кто: мальчик или девочка. Но будет!». А потом мы купались голышом в море, и он опять брал то, что так долго искал. Мы были ненасытны в своих желаниях и подкрепляли их действием. Уставшие и довольные, мы возвращались из этого забега. Я надела только платье, а он и вовсе шел в одних плавках. По пути домой подобрали брошенные мокасины, так и валяющиеся на берегу... Мы не пошли на танцы, а пошли в бунгало. Мы опять хотели друг друга...

— 7- И только на железнодорожном вокзале, я вспомнила про Егора и, забежав на почту, отправила телеграмму: «Уходя, уходи. Нельзя склеить разбитое счастье. Пойми и прощай!». И мы, обнявшись, пошли к своему вагону, глядя друг на друга ненасытными глазами. Впереди был долгий путь... И ещё вся жизнь! Счастливая и трудная.